

БОРЬБА

Орган Т-Станского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся Горьковской области

№ 40 — 41
(2659 — 2660)

Выходит
два раза в неделю

Цена 15 коп.

Год издания 12-й

М А Й
20

Четверг
1943 год

Т-Стан, Горьковской области

„Гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство“.

(Из ноты Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова).

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА

О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов направил 11 мая с. г. всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту следующего содержания:

«По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь довести до Вашего сведения следующее:

Военные и гражданские власти Советского Союза обнаружили за последние шесть месяцев на территории, освобожденной Красной Армией от немецкой оккупации в ходе зимней кампании 1942—1943 гг., новые доказательства бесчеловечных жесточайших злодеяний немецких властей над советскими гражданским населением. По планам и инструкциям гитлеровского правительства и военного командования, немецко-фашистские власти повсеместно грабили, истязали, убивали советских граждан, подвергали военнопленных, подвергали сплошному разрушению советские города и деревни, уводили в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан. Немецко-фашистские зверства, примеры которых уже доводились Советским Правительством до сведения иностранных правительств, осуществлялись гитлеровцами везде, куда ступала их нога, и имели еще более всеобъемлющий характер, чем об этом можно было судить до изгнания немцев с занимавшейся ими территории.

Насильственный увод в Германию, зверская эксплуатация и систематическое истребление порабощаемых советских мирных жителей занимают особое место в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков и в расчетах их главарей. Как видно из имеющегося в распоряжении Советского Правительства документального материала, насильственным уводом советских мирных граждан в рабство гитлеровская преступная банда преследует прежде всего цель — восполнить острый недостаток рабочей силы в Германии и высвободить из немецкой промышленности дополнительные людские резервы для сильно потрепанной гитлеровской армии. Немецко-фашистские власти и многие частные лица из гражданского населения Германии, эксплуатирующие подневольный труд советских граждан, подвергают их издевательствам, унижают их человеческое достоинство и обрекают на гибель от непосильного рабского труда, голода и истязаний.

Советское Правительство считает своим долгом довести до сведения всех народов новые документы и факты о неслыханных злодеяниях, чинимых немцами над угоняемыми в Германию советскими мирными гражданами, обращаемыми в рабство, а также заявить о неминуемой возмездии за все эти преступления.

I.

Планы и приказы гитлеровских властей о порабощении мирных жителей оккупированных советских районов

Захваченные Красной Армией в штабах разгромленных немецко-фашистских войск документы, а также рассказы и письма советских людей, письма германских солдат и офицеров и их родственников свидетельствуют о том, что превращение многих сотен тысяч советских граждан в рабов, похищение и обмен их на специальных невольничьих рынках в Германии возведены в систему, регламентированную приказами и распоряжениями германского правительства.

Как известно из имеющихся в распоряжении Советского Правительства документов, еще 7 ноября 1941 года в Берлине состоялось секретное совещание, на котором рейхсмаршал Гитлер дал своим чиновникам указания об использовании совет-

ских людей на принудительных работах в Германии. Первое указание гласило: «Русские рабочие доказали свою способность при построении грандиозной русской индустрии. Теперь их следует использовать для Германии... Это является делом соответствующих властей и тайной полиции». (Приложение 1-ое к секретному циркуляру № 42 006:41 хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 года).

В этом же циркуляре (II раздел приложения) предусматривается, что порабощенных советских граждан «следует использовать главным образом для дорожного строительства, строительства железных дорог и уборочных работ, размещения и устройства аэродр-

мов. Следует расформировать немецкие строительные батальоны (например, военно-воздушного флота). Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбрасывать камни, для этого существует русский».

«Русского, — давал указание Геринг в том же секретном документе (раздел IV, пункт А-4), — необходимо использовать в первую очередь на следующих участках работы:

Горное дело, дорожное строительство, военная промышленность (ганки, орудия, аппаратура для самолетов), сельское хозяйство, строительство, крупные мастерские (сапожные мастерские), специальные команды для срочных непредвиденных работ».

В названном документе Гитлер в следующих словах под-

черкивает международные нормы и правила, применяемые к гражданскому населению оккупированных территорий: «Использование русских гражданских рабочих, — говорится в разделе «Б» секретных указаний, — и обращение с ними должны практически ни в чем не отличаться от использования военнопленных и обращения с ними».

Бесчеловечность режима, установленного немецкими фашистами для советских военнопленных, общеизвестна.

Наконец, в том же документе Геринг дал кровавый приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться с ними самым жестоким образом под любым предлогом. Этот приказ, содержащийся в разделе IV, пункта А-7 упомянутого документа, гласит: «При применении мер поддержания порядка решающим соображением является быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

Для проведения в жизнь чудовищной рабовладельческой программы был создан огромный чиновничий аппарат. Главным уполномоченным по использованию рабочей силы Гитлер назначил приказом от 21 марта 1942 года гаулейтера Фрица Заукеля. Последний 20 апреля 1942 года разослал в строго секретном порядке правительственным и военным органам свою «Программу главного уполномоченного по ис-

пользованию рабочей силы». В этом документе говорится: «Крайне необходимо полностью использовать в оккупированных советских областях имеющиеся людские резервы. Если не удастся добровольно привлечь нужную рабочую силу, то необходимо немедленно приступить к мобилизации или к принудительному подписанию индивидуальных обязательств. Наряду с уже имеющимися военнопленными, находящимися в оккупированных областях, главным образом необходима мобилизация гражданских квалифицированных рабочих и рабочих из советских областей в возрасте старше 15 лет для использования их на работе в Германии».

В той же «программе» (раздел «Задача», пункт 1) Фриц Заукель заявляет:

«Для того, чтобы заметно увеличить количество рабочей силы, крайне необходимо в первую очередь, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400—500 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек».

Агенты Заукеля приступили к учету всего работоспособного населения в оккупированных районах СССР. Взятые на учет гражданами предлагали «добровольно выехать на работу в Германию. Но так как добровольцев почти не оказалось, немцы распорядились применить меры насилия. Еще 26 января 1942 года «Хозяйственный штаб германского командования на Востоке» в секретной инструкции (№ БР 98 510:42) требовал:

«Если число добровольцев не оправдывает ожиданий, то согласно приказанию во время вербовки следует применять самые строгие меры».

Подстрекая своих подчиненных, Фриц Заукель телеграфирует им 31 марта 1942 г. за № ФА 5780.28:729 следующий приказ:

«Вербовка, за которую Вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда».

«Вербовщики» работововца Заукеля изощрились в разных мерах давления на советских граждан, чтобы завлечь их в немецко-фашистское рабство. Тех, кто не являлся по вызову оккупационных властей, лишали всех средств к существованию. Изголодавшихся людей заманивали на вокзалы под предлогом раздачи хлеба, а

затем оцепляли солдатами и под угрозой расстрела грузили в эшелоны. Но и эти меры не помогли. Тогда немецкие власти стали делать разверстку по городам и сельским районам, причем каждый город и район должны были обязательно представить определенное число жителей для отправки в Германию. Так, по районам оккупированной части Ленинградской области, в частности в районе Пожеревицы, был разослан приказ германских комендатур следующего содержания:

«Волостным бургомистрам!.. Так как до сих пор на работу в Германию заявилось очень малое количество людей, то каждый волостной бургомистр должен совместно со старостами деревень поставить еще по 15 и больше человек с каждой волости для работы в Германии. Поставить людей поздоровее и в возрасте от 15 до 50 лет. Этих людей нужно доставить к 4 июня 1942 года прислать в Пожеревицы Комендат Ш-жеревицы».

В распоряжении Советского Правительства имеется полный текст доклада начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 года».

«Вербовка рабочей силы, — говорится в этом документе, — доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки (притворяются больными, бегут в лес, подкупают чиновников и т. д.). О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

Таким образом, из официальных германских документов известно, что массовый увод советских граждан в немецкое рабство, с приравнением их к военнопленным, являлся задачей, заранее поставленной гитлеровскими главарами перед немецко-фашистскими оккупационными властями, и что для осуществления этой задачи оккупанты не останавливались ни перед какими насилием над советским гражданским населением.

Продолжение см. на 2-й странице.

II.

Насильственный увод советских людей в немецко-фашистское рабство

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецкие власти организовали массовый увод мирного советского населения в немецкую неволю со всей оккупированной советской территории, уже и не пытаясь соблюдать даже видимость какой-либо «добровольности». На захваченной немцами советской земле нет буквально ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей.

Так, из Кривого Рога немцы насильно увезли свыше 20 тысяч человек, из Курска и прилегающих 9 районов 29.381 чел., из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 года) свыше 32 тысяч, из Маршполя — 60 тысяч, из Сталино на принудительные работы в Германию был отправлен до июля 1942 года 101 эшелон. Из одного только села Милиевка, Харьковской области, гитлеровцы угнали в немецкое рабство 820 мужчин, женщин и детей. В селе Солдатском, Воронежской области, гитлеровцы собрали из окрестных деревень 11 тысяч человек, среди которых было много женщин, подростков и детей; в течение двух протестных юбилеев в конюшнях, сараях, землянках; немцы в частых мордах их голодом и никуда не выпускали, а затем погнали в Германию. В Воронежско-Александровском, Ставропольском краях, гитлеровцы накануне своего отступления сгнали 800 советских граждан с тем, чтобы насильно отправить их в Германию, и только подоспевшие части Красной Армии спасли мирных жителей от страшной участи.

Во всех освобожденных от захватчиков городах и селах части Красной Армии обнаруживают многочисленные факты массового угона гражданского населения в немецкое рабство. Имеются признания гитлеровских главарей, дающие некоторое представление о гигантских масштабах небывалого в истории цивилизованных народов пленения и превращения в рабов миллионов мирных жителей. Так, по утверждению гитлеровского сатрапа «рейхс-комиссара Украины» Эриха Боха, опубликованному в январе 1943 г. в газете «Дейче Украине Цейтунг», в Германию отправлено 710 тысяч украинцев. По заявлению возглавляемого Зукелем «Управления по использованию рабочей силы», опубликованному в газете «Мюнхен Цейтунг» 14 января с. г., «за 1942 год в Германию отправлено около 2 миллионов душ из оккупированных областей на Востоке».

Как видно из документальных материалов и показаний жителей освобожденных Красной Армией районов, немецко-фашистские власти из месяца в

месяц охватывали своей насильной «свербовкой» все новые категории населения и в некоторых пунктах, особенно при отступлении, уводили с собой, для отправки в глубокую германскую тыл, поголовно все население, способное передвигаться. Если раньше агенты гитлеровских работерговцев стремились отбирать лишь физически наиболее здоровых и выносливых, в возрасте преимущественно от 15 до 45 лет, то за последние месяцы, совпадающие с проводкой гитлеровцами «тотальной» (всеобъемлющей) мобилизации, в рабство уводятся и больные, и инвалиды, причем возраст поработаемых колеблется уже между 11 и 60 годами. С присущей гитлеровцам садистской жестокостью они разбивают при уводе в рабство семьи, разлучая родителей и детей, братьев и сестер, жен и мужей.

Целые города и районы обезлюдели в результате организованного похищения и истребления советских людей гитлеровскими людоедами. Вот некоторые типичные данные по недавно освобожденному Красной Армией Гжатскому району Смоленской области: в этом районе, насчитывавшем до немецкой оккупации 32 тысячи жителей, осталось к моменту прихода Красной Армии около 7 с половиной тысяч человек, причем из деревень Гжатского района в Германию было угнано 5.419 человек, и тем числе 724 «работоспособных» ребенка в возрасте менее 14 лет, а в городе Гжатск, в котором до оккупации было более 13 тысяч жителей, в день освобождения от захватчиков оказалось немногим больше одной тысячи человек — в подавляющем большинстве своим разлученных со своими родителями малолетних детей.

Угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотившихся за ними работерговцев. Так, в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, не явившихся на сборный пункт, куда они были вызваны повестками коменданта для отправки в Германию. В Полтаве в конце декабря 1942 года была приговорена к повешению группа 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу в Германию. Оккупационные власти превращают всех уклоняющихся от «свербовки» в Германию — к партизанам, объявляют их вне «закона», направляют карательные экспедиции в районы, не выполнившие «разверстки» по поставке рабов, сжигают целые деревни и расстреливают сотни людей. В деревнях Сузского района в Белоруссии в конце февраля с. г. были вывешены объявления за подписью германского окружного комиссара, в которых говорилось: «Все жители, как мужчины, так и женщины,

рождения 1900—1927 гг. должны явиться 2 марта 1943 года в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршбросок патанне на 3—4 дня. Кто не явится — будет заподозрен в бандитизме и с ним поступят соответствующим образом». В Белоруссии, в районе Ганцевичи (юго-восточнее Барановичи) немецкая карательная экспедиция сожгла в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей в виде репрессии за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу.

Из различных пунктов Латвийской и Литвийской ССР сообщают об организованной гитлеровцами охоте на людей, загоняемых как на принудительные работы по строительству укреплений, так и на сборные пункты для отправки в немецкое рабство в Германию и оккупированные ею страны. На строительство оборонительных сооружений в Прибалтийских советских республиках мобилизовано свыше 300 тысяч человек, причем многие уклоняющиеся от занесения в списки так называемого «трудового фронта» и от отправки в Германию применяются самые жестокие репрессии, вплоть до повешения.

Советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывают немецким работодателям и их агентам мужественное сопротивление. Из прибалтийских, украинских, белорусских районов поступают многочисленные сообщения о массовом уходе не только взрослого мужского населения, но и скрывающихся от угона в Германию женщин и подростков — в партизанские отряды, в рядах которых они ограждают свою свободу. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских

людей насильственному угону их в немецкое рабство с трюмогой признается в ряде секретных донесений германских военных и полицейских органов.

Угона советских людей в фашистское рабство, немцы устраивают на всех областях, организуют карательные экспедиции, оцепляют целые районы, города, ловят людей на дорогах, загоняют на сборные пункты. В распоряжении Советского правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в заключенных, охраняемых солдатами или полицией вагонах. День и ночь на оккупированных районах Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Людей грузят, как скот, по 60—70 человек в один товарный вагон. Обесславленных и больных выбрасывают из вагонов, под откос, устлая трупами советских людей дорога на запад.

Вырвавшийся из фашистского плена жительница освобожденного частями Красной Армии города Миллерово Райса Давыденко рассказывает: «В холодных товарных вагонах было так тесно, что нельзя было даже повернуться. В каждом вагоне сидел надзиратель, который на всякую просьбу отвечал ударом палки. Все люди умирали от голода...»

Товарищ Быхина из села Иваницы, Курской области, рассказывает: «В Курске нас впрягали в тележки по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немцы часовой то и дело отпущали нам подзатыльники. В Лыгове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все

больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3.000 человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключали в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределяли по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Вырвавшийся 8 октября 1942 г. из Германии Белозурский Владимир Петрович, 1924 года рождения, житель села Средне Теплое, Верхне-Теплянской го района Ворошиловградской области, сообщил: «В пути немецкие солдаты нас избивали. Я видел сам, когда наши подростки выбегали на станциях поить воды, но солдаты их избивали. Избиению подвергались также мобилизованные девушки, их загоняли в вагоны и запирали на замки. Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в глаза песок и бросало камни, а дети дразили нас словами «русские свиньи». Наш эшелон находился в пути 12 суток. 18 сентября 1942 г. мы прибыли в немецкий город Гаде. Когда мы прибыли, нас выстроили, пришли немецкие барыни начали выбирать себе девушек в рабыни».

Таким образом, следует считать установленным, что немецко-фашистские власти, пытаясь заполучить миллионы рабов, применяют по отношению к советскому гражданскому населению зверские насилия, а также создают при отправке захваченных советских граждан в немецкую неволю такие условия, при которых значительная их часть гибнет уже в пути от голода, побоев и скотских условий перевозки людей в Германию.

III.

Нечеловеческие мучения и гибель советских граждан в немецко-фашистской неволе

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские работодатели установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабства. Советские граждане загнаны в концентрационные лагеря, огороженные колючей проволокой. Их гонят на работу и возвращают колоннами, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишали имени, их вызывали по номерам. Русские и украинцы получают специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом «Ост» по середине; вторые носят — такой же знак, с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, взорванных в рабство, установлен голодный режим. Геринг предписал в своих уномянутых выше указах:

«Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего

продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

В самих фашистских немецких газетах встречаются такие описания положения советских граждан в Германии, как например, следующее опубликованное во «Франкфуртер Цейтунг» 17 апреля 1942 г.:

«Рабочие оккупированных советских областей стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Эгих людей, при везенных из Харьковского района в Германию, нужно, разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник... под держивает авторитет при помощи кулака».

Страшные документы нечеловеческих страданий наших людей в немецкой каторге отражены в письмах к родным.

«Мамочка, — пишет Нона Г. 8 октября 1942 г. из немецкого лагеря, — погода здесь

плохая, идут все время дожди. Я кожу бесаю, потому что у меня обуви нет. Хлебу, как ни щая. Хлеб получаем два раза в день по 100 грамм. Работаем 12 часов в день. Мамочка, тоска ужасная. Кроме завода и барачков ничего не знаем. Как правду с работы, упаду на кровать, заплачусь вдоволь, вспомню дом и Вас, и с тем засну. За короткое время нашей жизни здесь мы все выбились из сил, недосыпаем, недоедаем. В маленькой комнате нас 16 человек, все украинки и я. Если придется увидаться, то расскажу все. Но увидаться навряд ли придется, потому что звать остаются в летних бараках на досок. При таком питании, да без сна, да голой и босой не выжить мне. Если можете, не откажите в моей просьбе, напишите чесноку и луку, потому что пища однообразная. У меня уже болят десны — чынага на- чинается».

Продолжение см. на 3-й странице.

Продолжение ноты Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова

В другом письме, 10 ноября 1942 г., та же советская девушка пишет: «Наша жизнь, мамочка, хуже, чем у собак. Суп дают такой же зеленый, который попрежнему никто не ест. У меня от думок иссох мозг и глаза от слез не видят. Сегодня все 12 часов работали голодные. Но плачь, не плачь, а работать нужно... Какая может быть работа у человека голодного изо дня в день. Придет начальник или обок сидящая немка подгонит, «Нона, арбайтен шнеллер, шнеллер!» («Нона, быстрее, быстрее работать!»). Дорогая мамочка, как мне тяжело без Вас. Я не в силах сдержать рыдания. Я от обиды плачу. О, есть еще хуже. еще тяжелее, но я не в силах описать... Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицай зажигает огонь и кричит: «Ауфштеев!» («Встать!»). Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Ждем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзает, пока стоим во дворе. Мыслимо ли — почти босые все. А зимой раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех переживать и мучной описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прослышала, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку — луку и чесноку — у меня цинга. Не откажите в моей просьбе».

Уезженная в Германию девушка Маша Н. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

«Здравствуй моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяина. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мама, хватает. Всего 8 комнат и один каридор. Встаю в 5 часов утра, ложусь я в 10 часов ночи. Мама, каждый день стираю я утром и вечером. Хозяин всегда кричит, так я его боюсь, что я ужасаюсь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяин бил по лицу, рвал за волосы, так я всю жизнь не забуду. Мама, заплатили мне за месяц 7 марок и 50 пфен. Свое и последнее додираю, нет ничего у меня лишнего. Мама, нам говорили, чтобы мы послали домой письма, чтобы из дому выслали пальто и валенки. Прошу тебя, золотая мамочка, будут нажимать, ничего сюда не шлй, все равно не получу. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу и наверное один выход покоячить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, выручи меня отсюда из неволи. Дальше я не могу жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся его сделать. Я тебе отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы душат. Целую

всех родных. Твоя пока дочь — Маша».

Советская девушка Надя Л. пишет из г. Хемница на родину: «Дорогая мама! Мы живем в бараке — 60 душ, спим на содоме. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера, есть нам дают утром тарелку окропу (кнплатку) и 50 гр. хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб — утром 25 гр. и в обед 25 гр. Пища, дорогая мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получали, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников».

Мама К. пишет родителям: «Мы живем в Германии в городе Блакенбурге. Работаем у хозяина 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеба дают очень мало. Работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никуда не пускают. Только с работы, да на работу. Работаем по 12 часов, а на работу ходить не в чем. Денег нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не зная на кого и за что. Да и труд наш не ценят. Нас все преследуют и смеются. Были бы крылья, прилетела бы на родную сторону».

Девушка Ф. Н. пишет родителям в Курск во время его оккупации немцами: «Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Патаемся два раза — утром 200 грамм хлеба и в обед одну мяску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяина 28 человек — русские, поляки, французы. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяина, только они спят и питаются у нашего хозяина. Мы с Катей живем вместе спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое носила, покупать негде и денег нет. Проработали 4 месяца и не одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом, догадайтесь, как живем».

Из лагеря в гор. Штутгарте 3 января 1943 г. Леонид Д. пишет на родину в гор. Щегры, Курской области: «Здравствуйте дорогие родные, папа, мама, Рая, Ваня и братя Юрик. Первым делом я хочу Вам описать свою жизнь с начала до конца. Дорогие родные, когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительном лагере и я с тех пор разбился с сестрой Звей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходила грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря 5 км., а от питания я еле двигаю нога, так что эта жизнь в Германии останется на всю мою жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, так что у вас, мои родные,

станут волосы дыбом. Я уже решил покоячить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если бы были у меня крылья, как бы улетел отсюда».

17-летняя Нина С. пишет с чужбины на родину 18 августа 1942 года: «Дорогие родители, папа и мама, я нахожусь в гор. Зонненберге, живу в бараке, работаю на фабрике. Как трудно! Я вовсе поухудела. Мамочка, мы живем за решеткой, как тюремные. Я туфли уже разбила и хожу разутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все то...»

Потерявший здоровье на немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Б. цман рассказывает: «...Деревня Миронка должна была поставит для отправки в Германию 20 юношей и девушек. Хватали молодежь на улицах, брали ночью в постелях. Дважды мне удалось скрыться, вырваться, на третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин. В холодную казарму, обнесенную высоким забором, загнав несколько сот человек. Спали на каменном полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготовляли военное обмундирование. Работали здесь французы, военнопленные поляки, испанцы. Подсчитательной всего и предпринятой всего относились немецкие мастера и надзиратели к русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Работали на разгибая спины, молча. Тут же, в цеху — мяска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к этому обеду уже не оставалось. Все 300 грамм суррогатного хлеба поедались еще утром. Вечером приговали обратно в казарму. И так каждый день. Усталость, голод, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но это было трудно — выдает первый же немец, который признает в тебе русского. Для поминки беглецов немцы пользуются собаками. Голод, тяжелый труд подорвали мое здоровье».

О нечеловеческих условиях, в которые поставлены преступным гитлеровским правительством советские люди, угнанные в Германию и обреченные им на смерть, свидетельствуют не только многочисленные официальные немецкие приказы и инструкции, письма советских граждан из Германии, но и письма немцев к солдатам и офицерам германской армии, находящимся на советско-германском фронте.

У убитого немецкого солдата Вильгельма Бюка 221 немецкой пехотной дивизии найдено письмо от матери из Хемница. В нем говорится:

«Много русских женщин и девушек работают на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплата оя, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально валяются с ног. Им часто попадает от охраны плетьюми. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права.

Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

Солдату Эвину Шиллинг пишет Лотта Молдер из Пуфенгаузена 10 августа 1942 года: «Недавно здесь, в Пуфенгаузене, появились русские. Интересная нам предстоит жизнь: в одном кармане словарь, а в другом револьвер».

Тысячи советских граждан не выдерживают диких условий рабства. В лагерях царит огромная смертность.

Солдату Отто Теск, 6 роты 4 полка 32 немецкой пехотной дивизии пишет Фрида Путц из Гюльце у Альтентрептова, округ Деммин 30 апреля 1942 г.: «...Здесь в среду опять похоронили двух русских. Их теперь здесь на кладбище погребено уже пятеро, и двое уже опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить...».

Преступное правительство Германии организовало куплю-продажу превращенных в рабов советских граждан. За небольшую плату, не превышающую 10-15 марок за человека, каждый немец может приобрести себе раба. В Германии учреждены невольничьи рынки. Здесь, как во времена рабовладельческого строя, покупатели рабов пробуют мускулы на руках и ногах у продаваемых в рабство советских граждан, обменивают изуродованных беспощадной эксплуатацией рабов на более крепких.

Утер сфидеру Иосифу Виккерту, п/п № 261873, его жена Мария Виккерт из Франкфуртера пишет: «...Я тебе еще не сообщала о получении посланных тобой 100 марок. Я тут же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить пленных. Теперь это не так дорого».

Старшему ефрейтору Францу Кнаппе, п/п № 08999 пишет жена Рут Кнаппе, из Грумпа, в Ангальте: «...Украинца у меня больше нет... он ничего не хотел слушать и был страшный лентяй. Теперь он у Герберта. Мы хотели посмотреть, не подойдет ли он в более крупном хозяйстве, но и там он то же самое. Я сообщила об этом по телефону в Бюро труда. Но когда придет новый транспорт, они мне сказать не могли. Герберт пока его держит, а потом обменяет его».

В руках рабовладельцев советские граждане подвергаются нечеловеческим жестокостям и эксплуатации. Советские граждане на ночь запираются в холодные кладовые и сараи. Их кормят впроголодь и мстязают непосильной работой. Над советскими людьми издеваются, всячески подавляя в них человеческое достоинство. 18-летняя девушка Вала Демущкина возвратилась на родину из Нюрнберга. Она рассказывала: «Я работала у немки. Муж ее оберлейтенант Карл Шюке убит на восточном фронте под Сталинградом. 1 января 1943 года у фрау Шюке на новогодний обед должны были прийти гости. Поглощенная работой и своими невеселыми думами, я не заметла, как закипело и начало

литься на электрическую плитку молоко, поставленное кухаркой. По кухне распространился запах угара. Разъяренная барыня ворвалась в кухню, вырвала из моих рук кастрюлю с остатком молока и плеснула мне в лицо. Я потеряла сознание. Очнувшись в больнице я ощутила невыносимую боль в иррак. Я ослепла. Три недели пролежала в больнице и потом долго пробырала обратном на родину».

Надя С. 16 лет, ученица 9 класса одной средней школы Ворошиловградской области, пишет: «Немцы насильно отправляли почти всю нашу молодежь на каторжные работы в Германию. На вокзале во время отъезда стоял стон и плач. Плакали отчаяющиеся и прощающиеся. Меня и еще 16 девушек направила в г. Швац. Здесь происходила самая настоящая торговля русскими людьми. Немцы и немки поворачивали нас во все стороны, мерили и ощупывали. Меня купил булочник Карл В. Он заставлял меня работать с 6 часов утра до поздней ночи. Хотя я и жила у булочника, но хлеб кушала редко. Каждый день я мыла пол, стирала утром и вечером, нянчила детей, одевала их. Фрау была не очень злая — толкает, ущипнет или по голове ударит, но не очень больно. Только было обидно, как вспоминашь, что училась в восьмом классе, изучала французский язык, историю, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества. От непосильного труда, голода и побоев я заболела. Оправившись немного, я бежала на родину. В Брест-Литовске меня задержали и посадили в концлагерь. В этом лагере, в полуразрушенных сараях, томилась тысяча советских граждан. Ежедневно на лагерь выносили 10-15 трупов...»

Немецкие рабовладельцы часто откровенно хвастают своими зверствами над советскими людьми. Подрядчик Лоренс Шлеер пишет своему зятю солдату Иосифу Шлееру: «У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен — она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук...». Ефрейтор 7-й немецкой пехотной дивизии Вильгельм Гаусман получил письмо от матери и Швейхаузена: «У нас на молочной ферме тоже есть шесть русских. Их на ночь там запирают. Среди них юнши 14-16 лет. Не беспокойся они смогут работать».

Лейтенанту 8 роты 187 полка 81 пехотной дивизии Гергардту Шиллетт пишет фрау Сузи Браммер из Теплиц-Шенау (Судетская обл.) 12 июля 1942 года: «Нам должны прислать десять русских в пивоварню. Уж я заставлю повараживать эту банду. Охотнее всего я бы перебила всех русских».

Тысячи советских граждан, насильно угнанных в немецкое рабство, гибнут от голода, холода, непосильного труда и истязаний. Немало советских граждан, доведенных до отчая-

Окончание ноты Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова

ния нечеловеческим обращением рабовладельцев, покончило жизнь самоубийством. В немецких письмах имеется много доказательств того, что нередко советские люди предпочитают смерть рабству у немцев. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405 полка 121 пехотной дивизии Рудольфа Ламмермайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люде:

«Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озабочена. У них в сви-нарнике повесилась русская девочка. Наши работницы польки говорили, что фрау Ростерт все была, ругала русскую. Она при-была сюда в апреле и все вре-мя ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недо-рогую цену приобрести новую русскую работницу».

IV.

Ответственность германских властей и германских граждан, виновных в бесчеловечной эксплуатации насильно уведенных советских граждан

На основании вышеизложен-ных и других имеющихся в его распоряжении документаль-ных материалов Советское Пра-вительство считает неопровер-жимо установленным, что гит-леровское правительство Герма-нии, попирая самые элементар-ные права народов и права человека, совершало и продол-жает совершать следующие неслыханные преступления:

путем обмана, угроз и на-силы урываются в рабство в Германию многие сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин;

для угоняемых мирных граж-дан устанавливается режим бесправных невольников и не-посильного труда;

советские граждане продают-ся в рабство предприятиям и частным лицам в Германии, подвергаются всяческим униже-ниям и истязаниям, обрекаются на голод и медленную мучи-тельную смерть.

Советское Правительство воз-лагает, прежде всего, на пра-вящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фа-шистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепри-нятых правил ведения войны.

Советское Правительство счи-тает также целиком ответствен-ными за перечисленные пре-ступления всех тех гитлеров-ских чиновников, которые ве-дают набором, уводом, перевоз-кой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчело-вечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию. Исходя из этого, Советское Правительство счита-ет, что столь же суровую ответ-ственность, как и в главаря гитлеровской Германии, должны понести также уже изблужден-ные преступники, как „главный уполномоченный по использо-ванию рабочей силы“ гаулей-тер Фриц Зукель и гитлеров-ские заместители на захвачен-ных советских землях: рейхс-комиссар Украины Эрих Кох, «рейхс-комиссар Остланд» (тер-ритории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской Со-ветских Республик) Гейнрих Лозе и его помощник — «гене-ральный комиссар Белоруссии» Вильгельм Кубе, а также глав-ный вдохновитель немецко-фашистских рабовладельцев Альфред Розенберг, занимаю-

щий пост «имперского министра по делам оккупированных во-сточных областей».

Советское правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бес-человечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве под-невольный труд мирных совет-ских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причинен-ные ими советским людям бес-численные лишения и страда-ния.

Созданная в Советском Союзе Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию зло-деяний немецко-фашистских властей ведет полный и точ-ный учет всех фактов, отно-сящихся к уводу в немецкое рабство советских людей. Чрез-вычайная Государственная Ко-миссия производит повсемест-ный учет тех гитлеровских чинов-ников и частных лиц в Гер-мании, которые виновны в бесчеловечной эксплуатации и гибели советских граждан в немецко-фашистской неволе.

Советскому правительству и народам СССР хорошо известно, что, на ряду с советскими гражданами, миллионы мирных людей из оккупированных гит-леровцами стран Европы си-лой и обманом загнаны в немецко-фашистское рабство. Под шумиху о пресловутой «тотальной» мобилизации гит-леровцы стараются превратить в своих рабов новые сотни тысяч мирных граждан Поль-ши, Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии, Голландии, народы которых вместе с народами Советского Союза видят свою общую задачу в скорейшем разгроме гитлеровской Герма-нии и в уничтожении гитле-ровского государства, как свое-го смертельного врага.

Советское Правительство вы-ражает уверенность, что все заинтересованные правитель-ства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны по-нести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллио-нов мирных граждан, на-силственно уведенных в не-мецко-фашистское рабство.

Примите и пр.
В. МОЛОТОВ,
Москва, 11 мая 1943 года.

Фашистские вандалы за время оккупации разрушили много лабораторий и цехов Новочеркасского индустриального института (Ростовская область). Коллектив студентов и профессорско-препо-давательского состава усиленно работает над приведением в порядок институтских лабораторий и мастерских.

На снимке: Студент энергетического факультета И. Ф. Колдин за восстановлением котла парового двигателя.

Фото Н. Фигуркина

Фотохроника ТАСС

Передовые трактористы Верхне-Талызинской МТС

Первомайский приказ товари-ща Сталина вызвал среди трактористов В-Талызинской МТС новый прилив производ-ственного энтузиазма. Изучая приказ вождя, они организова-ли проверку выполнения своих социалистических обязательств. В ходе проверки было обнару-жено и устранено много недо-статков, мешающих повышению производительности труда. Это помогло коллективу МТС уве-личить число передовиков стахановцев сева.

Тракторист тов. Гаврилов выполнил свой план весенних тракторных работ на 163 про-цента и сэкономил горючего 92 килограмма. Большую эко-номию горючего — 197 кило-граммов — дал тов. Батраков,

выполнивший свое задание на 122 процента.

Отлично справляются с вы-полнением обязательств многие девушки-трактористки. Тт Се-мибразская, Цвелева, Голубе-ва, Морозова и Медведева тоже выполнили план весенних ра-бот и дали большую экономию горючего.

По этим товарищам сейчас равняются все трактористы МТС, добивающиеся такой же высокой выработки. Все тра-ктористы поставили своей за-дачей — выполнить план весенних работ по МТС к 25 мая и пре-ступить к вод'ему паров.

Самарин,
секретарь первичной
парторганизации МТС.

Если нужно будет — последуем твоему примеру (Ответ девушке фронтовину Нине Балашовой)

Здравствуй боевая подруга! С большой радостью мы встретили твое письмо. На-печатанное в нашей районной газете «Борьба», письмо, об-ращенное к нам — девушкам тыла. Мы прочитали его кол-лективно во всех бригадах твоего родного колхоза «1 Мая».

Ты призываешь нас трудить-ся непокладая рук, оказывать всемерную поддержку фронту. На твой призыв, дорогая под-руга, мы ответим стаханов-ской работой. Заменяв многих мужчин в колхозе мы справля-емся с работой как будто бы неплохо. Настя Пименова, Нюра Ковалева, Лиза Киселева

и многие другие работают сей-час пахарями. Они пахут в день по 1,7 гектара, вместо одного га по норме. Все деву-шки-пахари звена Дуси Слуш-ковой выполняют ежегодно по две нормы.

Мы даем тебе, Нина, слово-что будем работать в тылу по фронтовому, отдадим на укреп-ление тыла все свои силы, а если нужно будет, то последу-ем твоему примеру — пойдем на фронт. Будь спокойна за свой колхоз. Он был и будет в числе передовых в районе.

Твои подруги: Н. Аксенова,
А. Деева, К. Панкрушина,
М. Пронина, Л. Дейч.

Сеют по стерне

Колхоз «Победитель» недо-пустимо медленно ведет сев зерновых. Лучшие сроки сева давно пропущены и этим сде-лан серьезный удар по уро-жаю. Это должно было послужить сигналом к тому, чтобы поднять тревогу и ускорить темпы сева. Но здесь этой тре-воги нет. Мало этого, в колхо-зе не обращают внимания к на другую сторону дела — на выполнение агротехнических

правил сева. Пахота здесь мелкая 4—7 сантиметров. Се-ют вручную и по стерне.

В связи с этим посевами пше-ницы, проведенные в первые дни сева, уже заглушаются сорняками.

Председатель колхоза тов. Еврынов старается не заме-чать этих безобразий, считая, видимо, что, «дашь бы посе-ять, а там пусть что будет».
В. Петрова

Партийная жизнь

Агитаторы колхоза „Первые шаги“

С первых же дней весенних полевых работ наш агитколлек-тив развернул широкую массово-политическую работу. Каждый день, как только привозят га-зеты, я просматриваю их, на-мечаю особо важные статьи из них для громких чтений, а за-тем раздаю газеты чтецам. Для того, чтобы по вопросам, под-нятым в той или иной статье, провести беседу, мы подбираем факты из жизни и работы на-шего колхоза. Это дает нам возможность лучше увязывать эти вопросы с местной жизнью, с задачами своего колхоза.

Большое место в нашей ра-боте занимает стенная печать. Стенная газета в колхозе вы-ходит регулярно. Кроме этого выходят «Боевые листки» и листки «Молнии».

В первые дни сева мы столк-нулись с таким фактом: конюха плохо кормили лошадей, не ухаживали за ними. В резуль-тате, утром, когда надо ехать в поле, пахаря не могли отор-вать лошадей от кормушек. Им только что был задан корм. Ночью им не давалось корма. Это срывало пахоту.

По этому вопросу был вы-пущен «Боевой листок», в ко-тором, указав виновников этого дела, мы рассказали о том, какой вред приносит колхозу эти факты. В тот же день этот вопрос был предметом обсуж-дения правления колхоза. Ви-новники были названы, поло-жение исправлено.

Так же был поднят вопрос по состоянию охраны колхоз-ного зерна, по выполнению правил агротехники на сево.

Хорошую помощь в агита-ционной работе оказывает своев-ременный учет выполненной работы колхозников и колхоз-ниц. Доска показателей социа-листического соревнования у нас ежедневно заполняется све-жими цифрами. А это — заме-чательный материал для аги-татора. Но мы не ограничи-ваемся показателями выработки своих колхозников. Наш колхоз соревнуется с колхозом «Гром революции», и мы каждый раз показываем ход сева в этом колхозе. Это также помогает в разрывании социалистиче-ского соревнования.

В дни сева его задачам под-чинила всю свою работу и изба-читальня. Вся справочная ра-бота перенесена в поле. Мне, например, приходится самой разносить письма, а часто и читать их колхозникам. Прочи-тает письмо, тут же и побесе-дуешь с колхозницей по тем вопросам, которые затронуты в письме мужем-фронтовиком, тут же дашь ей и нужную справку.

Такая конкретная агитация является верным средством борьбы партийной организации за сжатые сроки сева, за вы-сокое качество полевых работ.
Д. Меерзон.

Отв. редактор
А. С. КАБАНОВ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Утерянную круглую печать колхоза «Красная Горка» считать недействительной.